

Заколodный Григорий Иванович / 1935 г.р.

«Дней военных даль...»

Конечно, эти воспоминания о тех военных временах совсем малы от пережитых времен войны и после военных лет: холодных, голодных, бедных, но и объединяющих людей против всеобщей беды.

Война. Великая отечественная – 1941-1945 гг. теперь уже для многих, многих после военных поколений наших младших, наших детей и внуков – это война и её последствия кажутся такими как нам, детям войны, события Отечественной войны 1812 года с Наполеоном.

Мне же 1935 года рождения, встретившему начало войны в шестилетнем возрасте, почему-то её события остались в памяти. И среди них:

Проводы отца на войну... Отец мой, Заколodный Иван Иванович, 1908 года рождения работал наборщиком в типографии газеты «Колхозная правда», и потому не был призван раньше октября 1941 года – газета издавалась. Но в октябре немцы, наступая на Москву, уже захватили Харьков, Волчанск, Корочу. Из нашего района началась эвакуация предприятий и населения. Так мне помнится, как мы с мамой были у военкомата, на проводах большой колонны, отправляющихся на фронт, где был и мой отец.

И поскольку фронт был так близко, Волоконовку, особенно железнодорожную станцию немцы бомбили и довольно часто. Детей в нашей семье было трое (сестра Шура – с 1932 года и брат Владимир с 1940 года), мама отправила меня к бабушке (её родителям, жившим на ул. Почтовой, теперь Лавренёва), что с двоими быстрее бегать при бомбежке. Помнятся эти ночи (так как бомбежки были почти всегда ночные) – тем, что мы дети определяли по звуку гудения самолета «бомбовозы» или нет: если не «бомбовозы», прятались под кровать, если «бомбовозы» в погреб. Так было до лета 1942 года... А в июне началось такое, что из подвала почти не вылазили. В начале июня в Волоконовку начали привозить очень много раненых. Так как госпитали были в средней школе, в больнице, в райисполкоме (теперь пансионат), в школе возле переезда ж/д и даже в магазине (был напротив теперешней центральной парикмахерской) – там помогала санитарам моя мама.

А в конце июня в Волоконовку прибыли по ж/д наши танкисты, составы которых немцы бомбили целый день. К ночи танки перебрались в лес (парк), а затем еще день

гремели бои за речкой (это была танковая бригада Якубовского). Ну, а затем появились и немцы.

Когда чуть стихло (через 3 дня после оккупации) бабушка, взяв меня, решила посмотреть, жива ли мам и дети. Вот тогда мы впервые и увидели немцев на машинах, к дверцам которых были привязаны пойманные и убитые куры, и мотоциклах, остановившихся в Волоконовке.

Они расселялись в домах и дворах, выгоняя хозяев, при этом непременно требуя «матка, млеко, яйко». В первые месяцы такие «квартиранты» часто менялись – фронт удалялся на восток – немцы наступали на Сталинград, но и у вновь прибывающих «хозяев» отношения к жителям было такое же – из домов выгоняли в сараи женщин с детьми. Особенно мне запомнился один эпизод прихода от бабушки домой к маме.

Это было, наверное, уже в августе. У нас в доме стояли какая-то хозяйственная часть.

Там были механики, которые ремонтировали машины и среди них «маляр», который их красил, в том числе и обновлял и машинные номера. Они жили в доме, а мама с сестрой и братом выгнали в сарай. И вот придя домой, я «покрутился» возле ремонтников и увидел на завалинке у задней стены дома машинные номера на черных металлических пластинах с обновленной белой краской, цифрами и попробовал пальцем, высохли ли эти цифры? И, конечно, размазал только что нарисованные цифры. И за этим занятием застал меня их художник – маляр. Огромный такой (как потом выяснилось – финн) поманил меня пальцем – потом развернул к себе спиной и так поддал ногой сзади по мягкому месту, что я перелетел через несколько штабелей сушившегося кизяка, в то время основной топливо зимой.

Затем финн достал винтовку и... уже щелкнув затвором направил в мою сторону, но выбежавшая на шум из сарая мама, метнулась к финну умоляя его не стрелять. Вот так обошлась моя «партизанщина», после которой мне долго пришлось прятаться на огороде.

В те же оккупационные времена, у бабушки с дедушкой оставался самый младший сын – 1926 года рождения – мой дядя. Ему и его 15-летним сверстникам, среди которых были: Гусев Валентин, Визгальников Александр, Клименко Иван, Зайцев Юрий и другие, всё было известно – где и сколько осталось подбитых и затопленных при переправе через Оскол наших танков, где перевернулись в реку с разбомбленного моста машины со снарядами и оружием, где вдоль железной дороги рассыпан пушечный порох, после бомбежки эшелонов. Все эти «сведения» или обсуждались, когда они встречались и при мне, так как я был «придан» дяде для приглядки, то частенько я был и при осмотре находок, и даже при разборке. Но закончилось все, конечно, печально: в марте один из компании – Гусев Виктор подорвался на минометной mine, которую выносил из подвала магазина (на бывшем базаре в центре поселка). Мина ему потребовалась для извлечения из не тола (взрывчатки), которым глушили рыбу в реке. При выносе 2-х мин по лестнице из подвала – одну упустил, и она взорвалась и его изувеченное тело было выброшено в дверь.

Этот случай и стал решительным запретом для использования взрывчатки. Да и в скорее (в апреле) всех ребят 1925-27 годов призвали на войну. Ну а нам, малышне все же приходилось использовать находимый вдоль железной дороги порох и «резиновые» мячи из гуммиарабика на катках подбитых танков на дороге от Ютановки к Волоконовке, для игры в «полковой» мяч ребят – улицу на улицу.

Ну а самыми приятными «военными» воспоминаниями остались встречи на ж/д вокзале возвращающихся солдат – победителей в поездах из вагонов – теплушек, украшенных плакатами и букетами цветов. К таким поездам выходили почти все жители волокончане и из деревень, и даже нас школьников отпускали на вокзал.